

К пятидесятилетию творческой деятельности

НА МЕЗЕНИ

Владимиру Личутину

Из щелястых венцов помню сени,
Долгий взвост из матерых кражей...
В полночь солнце горит на Мезени,
На российском святом рубеже.
Здесь теряется след Аввакума,
Он ознан обетным крестом.
Дальше – тундра, ненецкие чумы,
Коми говор в сумузье лесном.
Оглянусь, будет сиверко в спине,
И открылась дорога на Русь:
То в былинку и тут же в новину.
Знать бы песни твои наизусть,
Край мезенский, где карбасы шили
И на Грумант, в Америку шли,
По обету России служили
И по совести краю земли,
Краю отчому, где на погосте
И по сей день резные кресты –
Письмена через годы и версты
С новгородской святой бересты.
Древней Кимжы шатры величавы
По-над речкой сквозной чистоты –
Память стойкости, веры и славы,
И душевной завет красоты.
Сердцу близкие новь Долгощелья,
Колокольни и карбасов сказ...
Как всегда на Руси, в час веселья
Грусть высокая всходит у нас!

ДУМА О ЗЕМЛЕ

Опять – средь блеска талых вод, –
Как чёрный бархат, пласт за плугом
Ложится нежно и упруго...
Всё в мире – от земных щедрот!
Крестьянский зов в моей груди –
Наследство многих поколений.
Я брежу пашней в день весенний
И щедрой нивой – впереди.
Я жал серпом с шести годков
И ставил сноп к снопу в суслоны,
И зяби длинные загоны
Я боронил до сладких снов.
Я знал, как жить большой семьёю,
Откуда хрусткий хлеб в печи.
Мне снится белый конь в ночи
И песни мамы над межею.
Я помню всё. И больно мне,
Что подступает лес к деревне,

К родной избе, как волок, древней.
Земля моя. Что будет с ней?!

Пусть говорят мне: "Это пядь...".

Но мне и пяди жаль родимой

Земли, из рода в род хранимой,

И страшно, совестно терять!

РУССКАЯ ДУМА

Валентину Сорокину

Вкусно как на Руси
снег хрустит на Крещенье!
Знобкий шелест позёмки...
Блеск холодной зари.
Красногрудые жаром горят снегири
И мерцают латунь на сбруе в воскресенье.

И тайна единственной меры...

Как начищенной медью горит самовар!
Блёстки жира по сёмге в застолье у тещи...
Бабы в огненной пляске подолы поплочут
И пылают на лицах малиновый жар.

Потекут голоса и прихлынут волнами,
И на игрище-гульбище пляшет душа...
Русский дух заповеданный, воля свежа!
И живёт в нас восторг,

не растрченный нами.

Как за красным застольем густа у нас речь!
Знатная ярость в работе и в дружбе отвага.
За три века мы трижды дошли до рейхстага.
К чужеземцам неласкова русская печь!...

Кто же нас баламутит все грани стереть,
Рушить сказку церквей,
бросить землю, деревни?!

Возродим всё святое!

Взорлим духом древним!

От стыда поруганья нам горько гореть!...

** Захватчиков крестьянки выживали узаром*

ТРЕТИЙ РИМ

Часовыми их ставила память,
Сила духа в соборы вжилась.
И когда – "Не Москва ли за нами!" –
Велика их твердыня и власть.

Укротим ли стихию разора?
Отстоим ли красу на века?
Без неё и Москва – древний город –
Словно колокол без языка...

Вот низкое небо
подёрнулось сумраком серым.
В глубокой долине вдали дотлевает заря.
Из тусклого блеска на рылхлых снегах ноября
Просёлок чернеет.

И Сиверком выстужен Север.

И сыро, и морось, но тянет к бурливой реке.
Как позднюю чайку,
мне жаль теплоход уходящий.
А белая церковь мерцает в берёзовой чаще
Да тёмные избы курятся дымком вдалеке.

Лишь груды соломы
в полях по излучинам рек.

СИЛУШКА БЫЛИННАЯ

Заклубились туманы куделей,
Глухо в них

колокольчик звучит.

Надо вспомнить
слова колыбельной,

Что нам матери пели в ночи.

Вновь дороженька
выпала длинная,

Неоглядное поле
спроси:

Где же силушка
наша былинная,

Молодецкая удалая
Руси?!

Валентин СУХОВСКИЙ

Были краше царич северянки:
На кокошниках жемчуг речной,
И венчалные платья крестьянки
Расшивали парчой золотой.

Что создал ты, народ, дивных песен,
Что поэтов чудесных взрастил!
И творец, и кузнец, и кудесник,
Ты столетия планету дивил.

Поредили родные деревни,
А какой был артельный народ!
Отчего на земле нашей древней
И в полях, и в домах недород?!

А какие ведь были умельцы;
Топором вырубали узор.
И сплошь плотники да земледельцы
Обживали веками простор.

Птица-тройка металась по свету
И с ней русская наша душа.
Неужели ты канула в лету,
Та весна, что была хороша?!

МАТИЦА

Основательно, без сумятицы
Избу ставили на века.
Узнаю по надёжной матице
Богатырскую крепь мужика.

Глубь веков Руси не исчерпана
И не всё врагом сметено...
То, что прадедом предначертано,
То исполнить мне суждено.

Двести лет стенам, триста – матице,
А стоит изба, как дворец!
И пока я жив, не раскатыся
Ни один золотой венец!
Постучу по ним – только гуд идёт!
Корабельный кондовый лес.
Возвратится к нам ещё в свой черёд
Эра праздников и чудес.
В божьем храме люд, каюсь, падал ниц,
В ратном поле русич суров.
Возродим ещё лихость маслениц
И восславим кров на Покров!

Со своей избы, с места отчего
Заповедный дух возрождать,
С милкой родины, славной вотчины,
Где холмов и рек благодать.
Частослойное и кражистое,
Отстоявшее долгий век,
Угадал душой своей чистою
Это дерево человек.

И тесал топором ладно матицу
Он, кормилец Руси, сам творец!
И пока я жив, не раскатыся
Ни один золотой венец.

Я люблю избу неоклеенной,
Чтобы дерева видеть цвет,
Чтоб душою вбирать рассеянный,
Заповедный, целебный свет.

Я люблю избу вековую
С красотой, неизменной в цене:
С Богородицею сердечною
И Георгием на коне.

А без них и душа растратится,
Не спасётся, хоть голоси...
В отчем доме стою под матицей,
Думаю о Руси.

ОБРАЗ РОДИНЫ

Николаю Карасёву

В широком ли поле дорога бежит,
По лугу раздолжному вьётся –
И лён голубеет, и волны по ржи,
И сизая дымка с болотца –
Всё радует глаз и волнует в груди
Хранимые памятью чувства...
Часовня на склоне холма впереди
Прекрасна не только искусством.

Она – воплощённые крестьянских трудов.
В ней ответ наследственной веры
И тайна единственной меры
Глубокому смыслу венков.

Солдаты, размещённые на базе в селении Шейх Джафр, совершали кросс ежедневно, в рамках физической подготовки. Подразделение было элитным и для его солдат не существовало преград. Они одинаково легко преодолевали и канавы, и огороды местных жителей. При появлении солдат дети боялись врассыпную. Впрочем, солдат боялись не только дети, но и взрослые. Их вообще все здесь боялись.

В тот злополучный для Дауда день дети при виде приближающихся солдат как всегда разбежались. Единственным, кто не успел убежать, был шестилетний Дауд. Они были совсем рядом от него, и маленькому Дауду казалось, что их обутые в коричневые армейские ботинки ноги сотрясают землю, на которой он стоит. Солдаты были такими огромными, что закрыли собою всё пространство до самого неба. И

И вся эта масса неслась прямо на Дауда. Маленький и беспомощный, он остался совершенно один перед накатывающей на него волной ужаса в виде огромных парней с винтовками М-16. Дауд почувствовал, как отшатнувшаяся масса ползёт по его ногам, и к ужасу добавилось отчаяние от позора. Увидев несчастного ребёнка, по ногам которого стекала коричневая жижа, солдаты стали громко хохотать. Мощное молодоецо "Бугага-га!", будто взрыв, прогремело над округой. Перепуганная мать, преодолевая собственный страх, выскочила из дома и, схватив несчастного, захлёбывающегося слезами ребёнка, унесла его в дом.

Этот день стал для Дауда печатью проклятья, который была отмечена вся его дальнейшая жизнь. С того дня за ним закрепилась, будто печать позора, унижительная кличка Засранец. Иначе его теперь никто и не называл. Так его называли и сверстники, и соседи, и даже учителя в школе за глаза называли его Засранцем. Они все любили смеяться над ним, потому что его позор позволял им забыть собственный страх. И ещё – от безкаказанности, потому что над ним можно было смеяться, ничего не опасаясь.

Отец Дауда умер, когда ему было два года. С тех пор мать осталась одна с тремя маленькими детьми. Семьи, из которых происходили и отец, и мать, были бедны и малочисленны даже в сравнении с не слишком большими родами, жившими в селении, и защиты было ждаться неоткуда. От всеобщих насмешек ему не хотелось жить, и он мечтал о смерти как избавлении от позора. Возможно, он и наложил бы на себя руки, если бы не одно событие, так же круто изменившее его жизнь.

Все изменилось для Дауда и его семьи, когда из тюрьмы вернулся брат отца – Мухаммад. В самом начале первой Интифады Мухаммад, которому тогда было шестнадцать, с группой сверстников закидывали армейские джипы камнями и бутылками с зажигательной смесью, ставших известными всему миру под маркой "коктейль Молотова". В одном из столкновений с солдатами Мухаммад был арестован и провёл в израильской тюрьме больше года. Тогда следователям не удалось доказать его причастность к другим нападениям на израильских солдат. Вернувшись из тюрьмы, он присоединился к одной из местных ячеек Народного фронта и совместно с друзьями стал готовить план похищения израильских солдат, с тем чтобы потом обменять их на палестинских заключённых, томившихся в израильских тюрьмах. Попытка похищения оказалась неудачной: солдат успел открыть огонь и ранить одного из нападавших. Подоспевшие на помощь своему товарищу служивцы открыли огонь, и в завязавшейся перестрелке двое товарищей Мухаммада были убиты, а сам он ранен и арестован. Военный суд приговорил его к пятнадцатидесяти годам тюрьмы, но он отсидел лишь семь и после подписания соглашения в Осло вернулся домой.

"В чём дело?" – вдруг услышал над своей головой грозный голос дяди, размазывавший слёзы и сопли по лицу Дауд, в очередной раз ставший жертвой Ахмада из семьи Аль Бадр – мальчика, который был старше Дауда на два года и выделялся среди сверстников и рос-

том, и характером, и силой. Ахмад не терпел слабость в любых её проявлениях и, возможно, поэтому ненавидел и жестоко третировал Дауда, олицетворявшего в его глазах эту слабость.

При виде дяди Дауд растерялся ещё больше. Мухаммада побаивались все, и не только местные, но и так называемые "тунишцы", вернувшиеся после Осло. Он был решителен, умен, неподкупен и суров. Мухаммад отказался от всех предложенных ему правительством постов в местной иерархии и продолжал вести жизнь подпольщика. И израильяне, и "тунишцы" внимательно отслеживали каждый его шаг, надеясь арестовать или уничтожить при первом же удобном случае. Но это им никак не удавалось. Каждый раз он то неожиданно появлялся, то так же неожиданно исчезал. И каждый раз после его появления или сразу же после исчезновения в тех местах, где он появлялся, происходили события, вызывавшие дрожь не только у местных жителей, но и у израильян.

Мухаммад прославился, когда был ещё совсем юным. Однажды солдаты-танкисты расположенного здесь подразделения израильской армии ушли за едой, не выставив охраны. А когда вернулись, обнаружили, что их танк наполовину разобран, и к тому же исчез пуле-

он не хрипел, а рычал как дикий зверь от ярости, от боли и от досады на собственную слабость. В последний свой удар он вложил остатки сил. Удар пришёлся Ахмаду прямо в челюсть, и тот покачнулся. Глаза Ахмада, ещё секунду назад выражавшие беспощадную решимость расправиться с врагом, вдруг приняли какое-то отрешённое выражение, и из гортла Дауда вырвался торжествующий клич. Дауд уже готов был броситься на своего врага и смешать его с пылью, которую они толкали ногами, но в этот миг Мухаммад снова схватил его за шиворот, но уже не с яростью, а просто как зарвавшегося ребёнка.

– Халас, – сказал он, и в ту же секунду Дауд почувствовал, что ноги его стали ватными. Только сейчас он ощутил боль во всём теле. Лицо опухло от побоев, он не мог даже шевелить разбитыми губами. Особенно болели рёбра. Но он чувствовал себя победителем. Он больше не Засранец! ...

После этого оба Мухаммад забрал племянника в дом своей матери. Дом бабушки находился на границе с еврейским поселением Гиват Рахель. Война между еврейскими поселенцами и жителями арабской деревни шла уже не первый год. Поселенцы строили новые дома на землях, принадлежащих жите-

ленцев и патрулей израильской армии, чуть позже он организовал прямо в небольшом доме бабушки целую мастерскую, где изготавливал бутылки с "коктейлем Молотова". Эти бутылки также предназначались еврейским поселенцам и израильским патрулям, охранявшим еврейское поселение. Позже он организовал ещё несколько мастерских, в которых изготавливались уже самодельные стрелковое оружие вплоть до ручных гранатомётов.

В свои семнадцать лет он был беспорочным лидером среди сверстников. Чуть позже Мухаммад, всецело доверявший племяннику, сделал его своим доверенным лицом, и Дауд фактически руководил деятельностью всех партизанских групп, действовавших под эгидой фронта на Западном Берегу. С годами Дауд всё больше становился похож на дядю.

А вот Мухаммад совсем не был похож на своего брата, отца Дауда. Отец Дауда был человеком кротким. Работать он начал чуть ли не с десяти лет и не чурался никакой работы. Он работал в теплицах еврейских поселений и на строительстве в Израиле и радовался, что у него есть работа, хотя для того, чтобы поспать на неё, ему приходилось вставать затеменно и потом иногда по несколько часов ждаты на контрольно-пропускных пунктах униительных проверок. Домой он возвращался тоже затеменно, но всё равно был рад, потому что в Израиле ему платили почти в два раза больше, чем в Газе. И хотя проезд в оба конца, который он оплачивал из собственного кармана, стоил ему едва ли не трети заработанных денег, отец Дауда был доволен, потому что благодаря этому заработку семья могла сводить концы с концами, хотя его дети всё равно круглый год ходили босиком.

Совсем другим человеком был Мухаммад. Незаглядимый след в его душе оставил один случай, когда в детстве отец взял его с собой на работу в еврейское поселение. Здесь было много зелени, красивые дома, удобные дороги, много воды.

– Что это? – спросил Мухаммад отца.

Однако эти меры мало помогали. И тогда было решено построить объездную дорогу, по которой могли ехать только жители еврейского поселения. Но к тому времени в поселенцев и солдат стали летать уже не только камни и бутылки с зажигательной смесью, но и пули, поэтому объездная дорога тоже не была совершенно безопасной.

Всё чаще израильские патрули обнаруживали на дорогах самодельную взрывчатку и палестинцы всё чаще пускали в ход огнестрельное оружие. Вскоре у них появились снайперы, которые вели уже прицельный огонь по еврейским поселениям и военным базам оккупационной армии. В ответ солдаты стреляли по бакам с водой, установленным на крышах домов в каждой палестинской деревне, и припаркованным здесь же, около домов, машинам. А если дело было ночью, то солдаты стреляли по зелёным огням мечетей. Нередко пули залетали и в наглухо закрытые окна домов. Но эти меры не охладили палестинцев. Ответный огонь становился всё интенсивнее, и в ход шли уже не только автоматы, но также самодельные гранатомёты. Ситуация накалялась с каждым днём.

Именно здесь и в это время рос и мучал Дауд. Это был уже совсем другой Дауд – не тот несчастный, забитый ребёнок из лагеря беженцев Шейх Джафр. Дауд был отчаянно смелым, ловким как пантера и на редкость изобретательным. Может быть, именно поэтому он до сих пор был неуловим. Планируя и осуществляя нападения на израильян, он никогда не повторялся. Начав с забрасывания камнями проезжавших машин еврейских посе-

– Это Рай, сынок, – усмехнувшись ответил отец. Мухаммад вспомнил лепившиеся друг к другу лагути в лагере беженцев, где они жили, и груды нечистот возле урюгьих двух- и трёхэтажных домов...

– А там, где живём мы? – спросил он отца.

– А там – Ад, – всё так же с усмешкой ответил отец, помнивший принадлежавшие его родителям богатый дом и апельсиновые плантации в Яффо.

Мухаммад не стал спрашивать отца, что такое Ад. Он вспомнил, как на КПП, отбелявшем Газу от Израйля, их высадили из машины и, проверив документы, заставили взрослых, согнувшись пополам, пролазить под натянутой верёвкой, разделяющей Газу и Израиль. Возможно, тогда он и решил, что не станет жить так, как жил его отец, и отомстить всем тем, кто живёт в Раю, обрекая таких, как он и его отец, на Ад.

Мухаммад редко обнаруживал свои чувства. Он всегда был приветлив и улыбчив. Приветливость и улыбка тоже были его оружием. В его жизни всё было оружием, и всё служило одной цели – победе над врагом. Чтобы уничтожить врага, к нему нужно подобраться как можно ближе. Чем ближе ты подберёшься, тем вернее будет твой удар. Мухаммад рано осознал эту истину. Он был прост, обаятелен и всегда улыбался. Весёлому и работящему Мухаммаду удавалось проникнуть туда, куда было заказано другим, более опытным соратникам. Белолычий, с тёмно-синими глазами, он в совершенстве знал иврит, и затеряться среди израильян ему не представляло никакого труда. Такой человек был просто незаме-

ним в качестве связного. Став постарше, он проявил недюжинные организаторские способности, и его авторитет среди товарищей был непрекращаем. Оказавшись в тюрьме, он являл собой образец мужества для других заключённых. На следствии он не отвечал даже на самые простые вопросы следователя, вроде: "Который сейчас час?", или "Вы знаете, что сейчас идёт дождь?" и лишь молчал, всем своим видом выражая полное безразличие и к следователям, и к окружающей его действительности. Выйдя из тюрьмы, он тут же, совершенно неожиданно исчез из поля зрения израильских спецслужб, прервав абсолютно все контакты, и точно так же неожиданно появилось сначала в секторе Газы, а затем на Западном Берегу, где возглавил боевое крыло Народного фронта.

Жизненный путь Дауда так же был очень похож на тот, который проделал его приёмный отец. Может быть, поэтому они понимали друг друга с полуслова, а иногда и без слов.

Предстоящей встрече с Мухаммадом Дауд узнал менее чем за час. Командир боевого крыла фронта не доверял ни мобильникам, ни интернету. При нём всегда находились несколько самых доверенных лиц, через которых он и передавал самые важные сообщения, каждый раз совершенно неожиданно появляясь там, где его никто не ждал, и точно так же бесследно исчезал.

При виде входящего Дауда глаза Мухаммада потеплели. Мужчины обнялись и обменялись троекратными поцелуями, как принято у самых близких. Мухаммад похлопал племянника по плечам. Дауд обратил внимание на то, как сильно поседели виски дяди с момента их последней встречи. Они вышли на террасу, откуда открывался живописный вид на холмы и долины. Здесь всегда было прохладно, даже летом, в самую жаркую погоду, и Мухаммад с наслаждением вбирал в себя свежий, ни с чем не сравнимый воздух родной Земли, внимательно разглядывая открывавшиеся его взору просторы, как будто видел всё это впервые.

"Странно он как-то себя ведёт, – отметил про себя Дауд. – Как будто прощается". Он и не подозревал, что эта встреча действительно станет одной из последних в их жизни.

– Как тихо, – негромко произнес Мухаммад и будто задумался.

Дауд снова внимательно посмотрел на него. – Наслаждайся тишиной, – сказал Мухаммад, хлопнув Дауда по плечу. – Теперь она не скоро возвратится в эти края, – весело добавил он и тут же, уже посерьёзнев, сказал: – Сейчас многое будет зависеть от тебя и от твоей готовности в любой момент взять руководство на себя. С этого момента только тебе будет известно, где я нахожусь.

Так Дауд возглавил контрразведку фронта. Они поговорили ещё немного, и Мухаммад уехал. После этой встречи они виделись ещё два-три раза. Спустя три недели Газы и Западный Берег вспыхнули, будто огромный факел. В самом Израиле каждый день гремели взрывы. В ответ израильяне, как волков, отстреливали с вертолётов наиболее видных руководителей палестинского сопротивления. Мухаммад был одним из первых, кого настигла израильская ракета. В это время вместе с ним в доме находились ещё четверо командиров фронта и семья одного из них. Все погибли, включая восьмерых детей.

Почти одновременно с воздуха были уничтожены почти все склады с оружием и мастерские, созданные Даудом, а сам он и его ближайшие соратники были арестованы во время рейда израильской армии в одну из деревень на Западном Берегу, где они все собрались. Чтобы нанести такой удар, израильяне должны были располагать детальной информацией обо всех передвижениях Мухаммада, знать точное расположение мастерских и складов с оружием. Такая информация не собирается в один день, и ею мог располагать только человек, сам являющийся одним из самых приближённых к руководству фронта людей. Это мог быть самый близкий к Мухаммаду человек, знавший обо всех его перемещениях. Но кто? Дауд лихорадочно искал ответ на этот главный вопрос: кто же их всех предал. То, что причиной гибели Мухаммада и разгрома фронта является предательство, уже не вызывало сомнений ни у кого. Пока он искал ответ на свой вопрос, солдаты оцепили дом со всех сторон. Дауд пригнулся к последней в своей жизни схватке, но в это время он почувствовал сильное головноекружение. Земля вдруг ушла у него из-под ног, и он, утратив равновесие, рухнул вместе с автоматом на землю.